

Кодекс – не лесной, а лесоторговый

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Писатель Михаил Пришвин однажды обмолвился, что если в лесу не слышно голосов птиц, то этому лесу он не верит, это – не лес!..

Когда читаешь правительственный проект Лесного кодекса, то совершенно не веришь, что вниманию россиян правительственными чиновниками представлен именно закон о лесе. В их Лесном кодексе нет ни одного слова про тех обитателей – квартирантов рощ и боров, которые и формируют лес живым, здоровым, полезным, – про птиц, зверей, насекомых. Попроси любого школьника нарисовать или дать словесный образ леса, и он тут же продемонстрирует прописные истины: лес – это грибы, сосны, муравьи, филины, белоствольные березы, волки, лисы, болота и пр.

К тому же разработчики закона умудрились забыть и про особо ценные участки леса, лесозащитные полосы, защитные леса около водоемов и про то, кто и каким образом будет бороться с лесными пожарами и вредителями, кто и где будет растить саженцы. Кодекс открывает возможность рубить деревья вокруг городов и поселков, там, где богатому человеку удобно разместить свой красивый коттедж.

После чтения не остается сомнений – экологи не писали этот закон. Экологическая роль леса упущена в нем сознательно.

Но если экологи не принимали участия в разработке законопроекта, то неужели лесники вычистили из кодекса весь лесной дух? Неужели они не заметили, что в данном кодексе под топор попадают и особо ценные и охраняемые прежде законом лесные угодья, что вместе с реликтовыми лесами начнут исчезать растения и животные, занесенные в Красную книгу?

Нет, лесники тоже не писали данный документ. Они бы обязательно прописали в нем свою отработанную веками систему управления лесами, вспомнили бы про обмеление рек и песчаные бури как последствия изведения лесов.

При внимательном чтении кодекса россиянин ни слова не обнаружит в нем про тех, кто сажает и бережет лес, – про лесников. Разработчики забыли про лесхозы и лесничество, про те низовые структуры, которые воспроизводят, создают вторичные леса, от кого зависит судьба единственного возобновляемого природного ресурса.

Возникает вопрос: неужели кодекс писали одни лесопользователи, лесопромышленники?!

Это похоже на правду. С первых же страниц закона читатель узнает много интересного про заготовку леса, про аукционы, о том, кому пилить, зачем пилить.

Однако в кодексе не отражена самая главная проблема для лесопромышленников: как организовать промышленную, глубокую переработку древесины и отходов. Не написано, как создать промышленность, создающую доход от переработки низкокачественной и мелкотоварной древесины. Не указано, будет ли государство способствовать строительству в России комбинатов для переработки мелколиственной древесины и будет ли оно вообще заинтересовывать лесопользователя заготавливать не коммерчески ценный лес, а мелкотоварную древесину, которой у нас избыток. Известно ведь, что Россия недорубает ежегодно около 200 млн. куб. м среднего прироста, то есть столько, сколько заготавливается сегодня по всей стране. Огромны и потери на лесозаготовках. Они достигают порой 50 процентов. А кодекс обходит вниманием эту первостепенную

Фото Вячеслава ЮРАСОВА

проблему, не обяывает лесопользователя пускать в дело все пни, обрубки, верхушки.

Лесопромышленники должны были бы написать отдельную статью о долгожданной рентабельности лесной промышленности, которая зиждется как раз на пресловутой переработке.

Значит, и лесопромышленники тут ни при чем. Кто же тогда автор кодекса? Кому нужны приватизация лесов, распродажа, аукционы?

Кто сегодня заинтересован в том, чтобы продолжалась политика расхищения лесных богатств, чтобы граждане Китая на Дальнем Востоке и в Сибири занимались скупкой леса? Почему в кодексе отсутствует механизм запрета продажи леса через подставных лиц с использованием поддельных сертификатов? Почему разработчики закона не желают установить действенный контроль не только на шоссейных

по мнению «торгащей» (цитирую), «повысят инвестиционную привлекательность леса» и даже повысят эффективность его использования. Правда, почему авторы закона решили, что повысится эффективность использования лесных ресурсов, непонятно.

Впрочем, история лесопользования не раз доказывала, что частный владелец леса не заинтересован в тратах средств на лесовосстановление, науку и прочее. Его интерес нескрываем – получение прибыли.

Когда в Польше над лесами нависла приватизация, то политчиновников остановил от распродажи народный вердикт на референдуме. Российские торговцы «легкими планетами» решили тихо и без народного обсуждения сменить собственника и пустить лес под приватизацию. При этом приватизация задумана, как и прежняя – в экономике, нерегулируемая. Наверняка ав-

История лесопользования не раз доказывала, что частный владелец леса не заинтересован в тратах средств на лесовосстановление, науку и прочее. Его интерес – получение прибыли.

дорогах, но и на железнодорожных станциях, не желают направлять перекупщиков с отчетами в налоговую службу?

Оказывается, разработчики сидят в Министерстве экономического развития и торговли. Выходит, авторство принадлежит торговцам, попросту говоря, торгашам. Вот почему у них кодекс вышел не лесным, а лесоторговым.

Теперь понятно, почему лес, по определению кодекса, – всего лишь имущество, товар. И выходит, зря россияне воспринимают со школьной скамьи лес как легкие планеты. Никакие это не легкие, не фабрика кислорода и даже не важнейший компонент окружающей среды. Авторы закона не желают следовать науке и квалифицировать лес как среду обитания миллионов россиян, как естественное сообщество растительного и животного мира, как один из основных факторов по регулированию и стабилизации окружающей среды.

По тексту законопроекта четко видно, что авторы воспринимают лес только как товар. Он для них – древесина, кругляк, аукционы, аренда. А с древесиной один разговор – продать. Кому? Естественно, арендатору да частнику. Они,

нет сегодня информации по ценности и особенности леса на разных участках. Значит, цены на аукционах в основном будут устанавливаться произвольно. Вот и планируется разработать на лесе с запуском нового Лесного кодекса всего лишь 20 млрд. рублей. А по мнению ученых-лесоводов, следовало бы получить 120 млрд. долларов!

В общем, данный кодекс не только не выполнит экономических, торгово-предпринимательских задач, но и может привести к обратному эффекту. На Западе мы можем оказаться вытесненными с европейского рынка лесной продукции, а на Дальнем Востоке, наоборот, стать сырьевым придатком лесной промышленности Китая.

Так как решение о выделении лесных участков будет приниматься на аукционной основе, то это стремление распродать все побыстрее приведет к бесконтрольному уничтожению лесов. Как известно, аукционы ценны тем, что их выигрывает тот, кто больше заплатит за право рубить лес. У сельских лесхозов денег нет, потому аукционная политика приведет к разорению лесхозов. Впрочем, в кодексе о сельских лесах вообще ничего не написано. Сельский житель не сможет ни купить, ни получить право на рубку леса. Аукцион ему не выиграть.

Аукционы к тому же никогда не отражали реальную цену за лесной ресурс. Да и не нужно иметь большого ума, чтобы увеличивать продажу на аукционах древесины на корню и гордиться этим. Сложнее добиться интенсивного воспроизводства леса и того, чтобы глубокой переработке подвергалось 80 процентов древесины, как это делается в промышленно развитых странах. В России же сегодня ее перерабатывается около 20 процентов.

А если наладить должное использование недревесных ресурсов леса, развивать туристические хозяйства, то страна может получить доход больше доходов от продажи древесины на аукционах.

Пострадают от «торгового» Лесного кодекса и регионы, где лес произрастает. Ни копейки в доход местных бюджетов не поступит от использования и продажи лесных ресурсов. Все доходы уйдут в Москву. И зачем при такой несправедливости и таких государственных поборах органам местного самоуправления про-

являть заботу о сохранении зеленого богатства? Программируется обратное – равнодушие и уход вместе с новоявленными лесопользователями от ответственности за сбережение и увеличение экологических функций леса. Из кодекса исключены обязательства субъектов Российской Федерации по содержанию лесного хозяйства, оказанию помощи в тушении пожаров и т. д.

Несмотря на то, что законом лесопользователь наделяется неким обязательством вести в определенных условиях лесное хозяйство, в жизни произойдет все не так. Этот лесопользователь вырубит, к примеру, сто гектаров леса, а саженцев высадит всего лишь на одном гектаре. Ответственность за подобное он не несет.

Тревогу вызывает и жажда разработчиков закона ввести институт частной собственности на лесные ресурсы. Им не указ опыт Канады, где 90 процентов лесов в государственной собственности, а долгосрочная аренда доступна только для лесопользователей, имеющих хорошие перерабатывающие мощности. Игнорируется и опыт скандинавских стран. В Швеции, например, работают такие крупные лесоконцерны, где до 50 процентов акций в государственности. Даже в США все чаще государство выкупает у частных компаний многие акры лесной земли. В общем, в мире частных лесов всего лишь двадцать процентов, остальная часть – в собственности государственной.

Впрочем, России мировой опыт не указ. Политикомы движимы реформаторским зудом. И гражданам России необходимо выразить свое отношение к тому, что обществу предлагается не лесной, а лесоторговый кодекс, а он превратит великую лесную державу в великую пустыню.

В судьбе русского леса сегодня отчетливо видна черная полоса. Политчиновники ликвидировали 17 мая 2000 года Федеральную службу лесного хозяйства, а теперь жаждут с принятием нового Лесного кодекса окончательно уничтожить государственную лесную политику и лесотехническую науку. Сделать это они могут лишь с молчаливого согласия россиян.

Анатолий ГРЕШНЕВИКОВ,
депутат Государственной Думы России,
заместитель председателя комитета по экологии,